

Ильина Ольга Игоревна

канд. филос. наук, доцент

ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет»

г. Владивосток, Приморский край

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ ПОСТУПКА И ВЕЛИКОЕ ДАО

Аннотация: данная статья представляет собой размышление о формах человеческого поведения, которые в разных культурах узнаются как проявление человеческого достоинства. В качестве таких форм автор предлагает рассмотреть поступок и недеяние, соответствующие западному и восточному пониманию способа человеческого присутствия в бытие. Идея многоуровневости человеческого бытия позволяет зафиксировать общность сущностных моментов формообразования поступка и недеяния и прийти к заключению, что недеяние как момент тождества великому Дао может проявиться в форме поступка, но может и явиться прелюдией к действительному поступку, как несущее отрешенность от всех уровней значимости и как способ слышать призыв бытия.

Ключевые слова: достоинство, поступок, недеяние, Дао, бытие, многоуровневость, экзистенциально-онтологический план, отрешенность, призыв бытия.

Данное размышление посвящено поиску оснований человеческого достоинства, которое может явиться отправной точкой для диалога между различными культурами, национальными и прочими концептуальными настроениями относительно человеческого существа. Основание к пониманию чего-либо (слов, человека, культуры, задач пр.) покоится в непонимании этого чего-либо. Такое петляние от непонимания к пониманию друг друга у человеческих существ проявляется как устремленность к анализу отличительного в обычаях, логике восприятия мира, особенностях самовыражения и пр., а, затем, к узнаванию себе подобного в другом, поиску исходного все объединяющего начала.

В этом ключе может оказаться недостаточным традиционное деление мира на два полюса: западное и восточное мировосприятия; игнорирующее единство сущностных моментов, которые на разных языках, в разных формах выражения указывает нам на одно и то же. Важно понимать, что очевидность деления мира, например, на Просвещенный Запад, Просветленный Восток и Святую Русь, проявляется на уровне культурно-нравственных форм, но на уровне оснований этих формы говорить о существенных различиях преждевременно.

Множество определений человеческого достоинства (как предзаданности, как универсально добродетели, как нечто, заслуживающего уважения и почета, как внутреннего благородства и пр.) указывают на один важный момент, лежащий в их основе, – это то, что человеческое достоинство является неким качеством, позволяющим человеку быть на высоте его сущностных возможностей. В качестве отправных точек возьмем за основу две идеи, зародившиеся в разных концах света и снискавших уважение, как разъясняющие условия возможности явления человеческого достоинства. Первая – идея совершенного человека (человека Дао) в даосизме; вторая – идея человека поступка, так или иначе, определенная в западной и отечественной философии.

Интересно отметить, что однокоренные слова со словом поступок на русском языке как бы указывают разные возможности ступающего: *про*-ступок, *пре*-ступать, *у*-ступать и пр., а сама приставка *по*- как бы утверждает направление становления человеческого существа – *по* ступеням человеческого бытия.

Заслуживает внимание и тот факт, что словосочетание «поступок человека» невозможно подменить вообще или без дополнительных экспликаций, подчеркивающих заинтересованность в частности, такими словосочетаниями как «поступок индивидуальности», «поступок субъекта», «поступок личности». Индивидуальность, субъект, личность лишь аспекты проявления человеческого существа: ни один из них, в отдельности, не «достигает собственного достоинства человека» (Хайдеггер); они не позволяют схватить ни человека как целое, ни его сущность. Поступок же характеризуется целостностью, охватывающей разные уровни, планы и аспекты бытия человека. Целое по определению всегда больше

своих частей, а, значит, личность, индивидуальность, субъективность и пр. могут только раскрываться или модифицируется в поступке, но не могут быть приняты в качестве основания поступка, которое можно обнаружить только за пределами ограничений подобных конструкторов. Очевидно, что поиск «точки интенсивности» (М. Мамардашвили) поступков уводит рассуждения за пределы человека как сущего – к его сущности и к его бытию.

Прояснение условий возможности поступка через синтез подходов: онтологический, экзистенциальный, герменевтический, феноменологический, культурно-антропологический; указывает на феноменальную полноту поступка, которая «собирается» как событие фундаментальных смысловых уровней: экзистенциально-онтологического, символического и институционального.

Поиск места поступку в бытие человека через онтологию М. Хайдеггера предполагает раскрытие способности Dasein быть поступающим. Такая способность эксплицируется озабоченностью Dasein своим бытием и устремленностью в направлении своего проекта. Как сущее Dasein не может избавиться от заброшенности, но как бытие может проектировать возможности, в которые оно заброшено. Переживание заброшенности питает экстатическую мощь и задает направление для осуществления поступка. Dasein конституирует возможность поступать в соответствии со смысловым контекстом заботы. Возможно, ко всем многочисленным синонимам Dasein, таким как существование, «здесь-бытие», «вот-бытие», человеческое бытие, присутствие, можно добавить еще один – поступающее бытие. Сущность поступка – преодоление того, что уже есть, устремленность за свои пределы и внешние ограничения. Она обнаруживается как трансцендентальность – некое изъятие, ограничение, в котором приобретает «власть» над «несобственным бытием», где «несобственное» – жизнь «по типу других»; порождает феномен усредненности, фикцию «среднего человека» (Das Man).

Действительные послышки к поступку нужно искать не столько в самом человеке или в бытие, сколько в их совместном присутствии – в событии. Событие,

призывающее человека ответственно сбыться, в ряде смыслов привязано к времени и пространству, то есть имеет культурно-историческое содержание, что может влиять на стиль и конкретный результат поступка, но не на его сущность.

Экзистенциальная структура содержания поступка, как она может быть выражена в логике Ж.-П. Сартра, – стягивает основные экзистенциалы (свободу, выбор, тревогу, проект, ответственность) в одну точку – осознание и осуществление сущностных возможностей. Экзистенциальные условия поступка – это напряжение трех измерений человеческой реальности: бытие-в-себе, бытие-для-себя, бытие-для-другого; где каждое выступает условием выбора-принятия возможного. Если убрать одно из условий, то поступка не будет. С точки зрения экзистенциализма поступок прорастает в человеческой реальности как становление бытия человека.

Феноменальная полнота поступка собирается как единство и целостность многоуровневой структуры поступающего сознания и бытия в поступке. Уровни превращения сознания в поступке могут быть обозначены как: 1) сознание (из сущности в-себе-бытия), самосознание (к действию для-себя) и самосознание всеобщей нравственности (для-всех-других) или Духа [3]; или 2) уровни эпохе (феноменальный, эйдический, трансцендентальный) [4]. Трансцендентально-феноменологический подход указывает на основания поступка – идентификация с единицами смысла на основе трансценденции.

Феноменальная целостность поступка узнается в единстве персонального и смыслового моментов поступка; в единстве его свойств: аксиологичности, ответственности, событийности, единственности; в единстве сил, порождающих поступок: сознания и эмоционально-волевого тона; в разнообразии форм поступка (мысль, дело, переживание); в возможности понимания поступка через архитектонику ответственности: я-для-себя, другой-для-меня, я-для-другого [1].

Поступок как культурная форма самовыражения есть произведение или текст, выраженные языком поступка, а, значит, поступок как текст есть семантическая единица поведения. С позиции семантики содержание поступка можно рассматривать относительно содержания жизни поступающего и содержания

культурной эпохи. С позиции прагматики значение поступка рассматривается в зависимости от понимания его другим. Культурный феномен поступка, следуя логике Б.С. Библера [2], возникает на основе диалога сознания (между феноменами различных культур, между сознающим «Я» и «Я» самосознания), а проявляется как акт самодетерминации.

На институциональном уровне социальная форма поступка, в отличие от социального клише, сохраняет генетическую связь с экзистенциально-онтологической и культурной формами и выступает в качестве условия возможности самопрезентации и признания автора как автономного и ответственного в коммуникативном действии.

Рассмотрев через призму различных философских направлений проблему поступка, автор данной статьи пришла к выводу, что поступок можно понимать как событие ответственного утверждения экзистенциально-онтологического переживания через культурную форму выражения.

Философская аналитика позволяет рассмотреть поступок в логике единства его смысловых форм, сосуществующих одновременно в силу многоуровневости бытия поступка и составляющих нерасторжимое единство: убери одну, и ты уже не в поступке. На экзистенциально-онтологическом уровне поступок принимает форму переживания конкретного момента близости с бытием (здесь разворачивается модус человеческого присутствия М.М. Бахтина «я-для-себя», который хочется переименовать в «бытие-для-меня»), на символическом поступок трансформируется в форму выражения возникшего переживания (здесь человек полностью в модусе «я-для-другого»), на институциональном уровне поступок проявляется в форме, организующей условия признания авторства (здесь в полной мере раскрывается модус – «другой-для-меня»).

Действительность многообразия форм поступков (слово, мысль, действие, жест, виденье и пр.) обеспечивается мерой актуализации и явленности того или иного уровня или плана бытия человека в поступке. Сам же поступок можно рассматривать как равнодействующую всех его форм (явленных и неявленных;

внешних, внутренних и чистых), обеспечивающую смысловой диалог между ними.

Конечно, многоуровневость можно представить в различных вариантах, но именно такой подход позволяет компактно и максимально точно отразить существенные характеристики поступка.

Удерживая во внимании тезис о многоуровневости человеческого бытия в поступке и идею о том, что «человек есть не что иное, как ряд его поступков» [3, с. 448], мы можем говорить о поступке как о событии самоидентификации и, как следствие, признать его незаменимость в сохранении и становлении человеческого проекта в любых жизненных обстоятельствах.

Итак, *человек поступка* – это человек, осуществляющий прорыв экзистенциально-онтологического бытия на уровень социального вменения средствами символического выражения.

В свою очередь, *недеяние* (увэй), основными характеристиками которого являются немативированность, созерцательность и спонтанность, так же, как и поступок, обеспечивает присутствие человека в бытие. Возможности, которые открываются для человека, практикующего *недеяние*, обеспечивает единство *недеяния* с Дао и Де. В даоских текстах такое единство представлено следующим образом: Дао есть возможность всех сущих...; Де – манифестация Дао; то, что придает форму вещам и позволяет им быть в соответствии с Дао; если Дао основа бытия, то Де проявленная мощь Дао, а *недеяние* – способ реализации Дэ в повседневности.

Дао, обычно переводимое с китайского как путь, в даосских текстах лишено всяких конкретных определений: «Дао, которое может быть выражено словами не есть постоянное *дао*» [5, с. 11]; «Дао пусто, но в применении неисчерпаемо... Оно кажется праотцем всех вещей» [5, с. 14] и пр. То, что хоть как-то приближает нас к пониманию Дао, так это то, что «его превращения бесконечны», «его называют глубочайшими вратами рождения» [5, с. 15], оно «постоянно осуществляет *недеяние*, однако нет ничего, что бы оно не делало» [5, с. 34]. Или в контексте его значения для всего сущего: «Дао скрыто [от нас] и не имеет имени. Но только

оно способно помочь всем существам и привести их к совершенству» [5, с. 38]; «тот, кто [служит] *дао*, тот тождествен *дао*» [5, с. 26].

Наиболее употребительные варианты перевода и контекстуальные значения Дэ (благая сила) – добродетель, благодать, качество, дарование, достоинство, достояние, доблесть, моральная сила, закономерность. Де как манифестация Дао является образцом и для человеческого Де. В частности, чтобы соответствовать Де, необходимо «создавать и не присваивать, творить и не хвалиться, являясь старшим, не повелевать – это и называется глубочайшим *дэ*» [5, с. 43]. Проявления человеческого Дэ в недеянии следуют понимать в первую очередь как совершенствование конкретного человека, момент тождества человеческого существа и великих Де и Дао.

Отсюда возможность понимания Дао и Де как онтологических категорий, а недеяния (проявление дао и де конкретного человека) как онтической категории.

Недеяние, предлагаемое к пониманию как отсутствие действия, как будто всё происходит само, по естеству, не есть бездействие. Во-первых, потому что недеяние – это путь самосовершенствования, что уже требует особого человеческого мужества, а во-вторых – созерцательная пассивность – не синоним пассивности вообще, это скорее отрешенность, позволяющая слышать призыв бытия, возможность уловить истину бытия, истинный путь (Дао), благодать (Де), собственное достоинство. Недеяние, в первую очередь, нужно понимать как отказ от человеческого произвола, противоречащего внутренним законам вещей и явлений и нарушающего их естественную взаимосвязь [5, с. 337].

Давайте все-таки разберемся, в каких границах возможности поступка недоступны в недеянии, и наоборот, а в каких можно выйти за пределы всех противоречий. Что общего у человека Дао (совершенного или естественного человека) и человека поступка? И здесь, в первую очередь, выступает близость человека поступка и человека, следующего Дао, относительно онтологического тождества человека с тем, что есть.

Онтологически поступок возможен как ответ человека на призыв бытия: бытие – призыв, человек – ответ. Для того чтобы событие поступка состоялись, человек должен и слышать призыв бытия, и отвечать ему. Но не только бытие обращает призыв к человеку, вызывает и человек, а, значит, бытие дано человеку так, чтобы он мог осуществить проекты, к которым заинтересованно приступает. М. Хайдеггер именует эту «целокупность призыва» человека и бытия так, что они могут «устанавливать друг друга», остовом (ge-stell) [11, с. 76]. Но, если человек сам вызывает к бытию, озабоченный своим проектом, своим положением, то каким способом он осуществляет свой призыв? Хайдеггер указывает, что доступ к бытию открывается через отрешенность или выжидание: ждать означает получить доступ к бытию [11]. Такое выжидание, ничего общего с ожиданиями и надеждами на заранее предполагаемый результат не имеет. Это расположенность к открытости бытия и ничего более. А отрешенность, сопровождающая такую расположенность, в первую очередь, – это свобода от всех условностей и обусловленностей (социальных ролей, ценностных установок, точек зрения и пр.). Ответом бытия на такую отрешенность будет его призыв. Без момента отрешенности, благодаря которой только и достигается свобода – свобода отвечать, действительный поступок невозможен.

Отрешенность заложена в самой сути принципа надеяния.

В остове, который продумывается Хайдеггером как взаимопринадлежность человека и бытия посредством обмена призывами, властвуют отчуждение и посвящение. Но остов – только прелюдия События, проблеск сбывающегося, само же сбывание принадлежит Событию. Именно в Событии человек манифестирует себя как отвечающее существо – отчуждает от бытия и утверждает то, что бытие посвящает человеку. Действительный поступок истекает из взаимопринадлежности человека и бытия и, принимая судьбу события, присутствует в остове как своя собственная прелюдия.

И тут, в какой-то момент, кажется, что надеяние как условие редукции всех значимостей, как практика отрешенности совершенного человека есть прелюдия

действительного события, в том числе и поступка. Но это не совсем так, оставаясь прелюдией чего-то еще, надеяние – это еще и способ не только слышать, но и отвечать на призывы, исходящие от бытия, мира, других людей, это способность адекватно и без промедления являть силу великого пути, а не эгоистические порывы. Человек, следующий Дао (естественный человек или совершенный человек), не действует, он совершает [5, с. 170]. И это совершение – есть событие-совершение – событие, тождественное всем аспектам действительного поступка, событие-совершение человеческого достоинства.

И здесь естественно напрашивается анализ онтологического тождества человека и бытия и тождественность Дао и человека. Но будем осторожны: не будем увлекаться анализом сходства и различий между Дао и бытием, между Дао и Бытием и Ничто. Все эти слова лишь указывают на то, что ускользает от словесного выражения, удерживают философствующего или медитирующего на пути (в состоянии философствования или медитации).

Для наших рассуждений важно другое: человек, возможно единственное существо, которое может не только слышать, но придавать забвению требования бытия, становиться тождественным бытию или Дао и уклоняться от этого тождества, утрачивая человеческое достоинство. И, если для современного человека, живущего ценностями цивилизации, единство с Дао или тождество с бытием достигаются в поступке, то человек, овладевший искусством Единого (Дао), приобретает власть над миром, и вся его жизнь превращается в событие единства с Дао: он «обладает снежной белизной и не бывает черным; поступки его кристально чисты и не имеют примеси; обитает в сокровенной тьме, а не темен; отдыхает в природном горниле и не переплавляется» [5, с. 112]. «Не переплавляется»: значит, силы становления, порождающие и разрушающие, теряют над ним власть; он тождественен им: он сам есть эта сила становления и совершенствования. То есть, если поступок – это момент становления человека, событие его совершенствования, а человек поступка – это человек способный вступить в событие совершенствования, то человек Дао неподвержен становлению, он уже совершен: он тот, кто овладел «искусством Единого».

Забвение Дао, как и истины бытия, ведет к утрачиванию человеческого достоинства: «Когда устранили великое *дао*, появились «человеколюбие» и «справедливость». Когда появилось мудрствование, возникло и великое лицемерие, ... когда на смену естественному приходит человеческое» [5, с. 22]. В забвении истины бытия действительные поступки не совершаются, а так называемые поступки, направленные на поддержание чувства значимости, позиционирующие ту или иную точку зрения, – по большому счету не есть поступки, это проступки, уступки и преступления и пр. Когда лестница формообразования поступка утрачивает свой экзистенциально-онтологический план, место поступка занимает симулякр поступка, а форма, являющая такой поступок, оборачивается негативной формой превращенности. Вот как иллюстрируется утрата логики формообразования события: «после утраты пути появляется добродетель, после утраты добродетели появляется милосердие, после утраты милосердия появляется справедливость, после утраты справедливости появляются церемонии. Церемония – это украшение учения и начало смуты» [7, с. 234–235]. Чем дальше человек от Дао, от истины бытия, тем больше мертвых принципов и ценностей, удерживающих человека в мире *Das Man* и удаляющих его от полноты бытия.

В свое время И. Кант выделил два вида поступков. Первые, отвечающие гипотетическому императиву, совершающиеся как средство достижения желаемого (поступки из точки зрения). Вторые, отвечающие категорическому императиву, объективно необходимые сами по себе, безотносительные к какой-либо цели. Категорический императив И. Канта: «поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом» [6, с. 641] – итог его размышлений о сути поступка, свободного от склонностей и потребностей индивида, соответствующего доброй воле и совершающегося из чувства долга; бессодержателен как пустая формула разума. Но эта формула провоцирует вопросы: 1. Какие характеристики максимы являются достаточными, чтобы пожелать ее в качестве всеобщего закона для всех поступающих? 2. Какой человек способен руководствоваться в своих поступках категорическим императивом?

Еще одна идея И. Канта добавляет эвристической уверенности в правильности выбора сюжета о достоинстве человека поступка и человека Дао. Это идея о «царстве ценностей»: все поступки относительно цели, ради которой они совершаются, делятся на поступки, цель которых имеет цену, и на поступки, цель которых имеет достоинство. То, что имеет цену, может быть заменено чем-то другим; то, что выше всякой цены, стало быть, не допускает никакого эквивалента, то обладает достоинством [6, с. 652]. Так вот, по мнению автора статьи, поступки, совершаемые согласно категорическому императиву, – это поступки, максима которых узнается как взаимоотношение человека и бытия, как великое Дао, как момент редукции всех видов значимостей, и под силу следовать такой максиме только совершенному человеку (человеку Дао) или человеку, открытому действительному событию-поступку (человеку поступка).

Конечно, Человек Дао отличается от человека поступка, он уже находится в точке равенства всего сущего и стоит там, потому что совершенен (*со-вершён*), человек же поступка вынужден проявлять усилия: и всякий раз преодолевать мирность этого мира, и всякий раз возвращаться в него с плодами своего поступка. Но именно эта возможность существования между двумя полюсами трансцендентности мира и ничто указывает на предзаданность собственно человеческого существования.

Еще один момент, который на взгляд автора данной статьи является существенным – это ряд замечаний относительно экзистенциального, символического и институционального плана поступка человека Дао.

Экзистенциальный план, стягивающий сферы сущностного сопряжения: бытия-в-себе, бытия-для-себя, бытия-для-другого, отвечает качеству существования человека Дао. Однако может возникнуть подозрение, что человек Дао, в силу следования природному (естеству), как Робинзон М. Делеза, утратил одно из измерений своего восприятия: бытия-для-другого. Отчасти, притчи даосских мудрецов позволяют сделать подобное предположение. Например, в притче о плотнике и дубе говорится: «бесполезное дерево вырастает огромным и живет долго», а «полезные страдают всю жизнь и погибают преждевременно», поэтому

«прозорливый человек не показывает, чем он полезен» [7, с. 47–49]. И здесь нужно оговориться: «не показать» – не значит «не быть». У человека Дао качественно другой уровень «бытия-для-другого»: следуя Дао «небо и земля – долговечны потому, что существуют не для себя», так же совершенномудрый..., и это не пренебрежение своими [интересами]: «напротив, он действует согласно личным [интересам]» [5, с. 15]. То есть, быть «не для себя» – позволить быть себе, своей сущности. Сущность существования человека Дао – быть для кого-то еще. Совершенный человек существует потому, что необходим для существования других сущих, для него существовать – значит, быть условием бытия других и условием совершенствования других: «те, кто ... следует *дао*, не есть деятели *дао*, а есть распространители *дао*» [5, с. 115]. Таким образом, сущность существования человека Дао позволяет констатировать тождество модусов его сущностного сопряжения: бытие-для-себя и бытие-для-другого (или быть для-другого то же самое, что быть для-себя).

Следующее замечание относительного того, что человек Дао вроде бы не очень озабочен своим социальным и культурно-нравственным бытием, суть его возможностей кроется в недеянии. Но отворачивается ли человек Дао от полноты своих свойств, а значит от полноты и многоуровневости бытия? Следовать Дао, прежде всего, – умерить мирское, личностные и индивидные амбиции, но не отказ от полноты Бытия. Мирское не должно побеждать бытийное, человеческое – естественное: совершенный человек это «тот, в ком природное и человеческое не побеждают друг друга» [7, с. 65].

Человек Дао – это человек, поступающий из точки равноденствия всего сущего. Человек поступка – это человек, поступки которого допускают утверждение своей позиции, ценностей, но действительный поступок, утверждающий человеческое достоинство, полноту бытия, всегда разворачивается из редукции наличествующих ценностей, позиций и точек зрения.

Итак, человеческое достоинство покоится в его экзистенциально-онтологическом бытии, проявится ли оно и как проявится, ответит человек.

Человек поступка – это человек способный стать отрешенным и выйти за пределы наличного к полноте свойств, из мира к полноте бытия. Человек Дао – это человек, обладающий полнотой свойств; он тождественен бытию, так как не отворачивается ни от бытия, ни от ничто бытия.

Недеяние как способность следовать великому Дао, мощь которого проявляется великим Де, может проявиться в форме поступка, но может и явиться прелюдией к действительному поступку, как несущее отрешенность и способность слышать призыв бытия.

Список литературы

1. Бахтин М.М. К философии поступка // Собр. соч. Т. 1 / М.М. Бахтин. – М., 2003. – С. 7–68.
2. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век / В.С. Библер. – М.: Политиздат, 1992. – 413 с.
3. Гегель Г.В. Феноменология духа. Философия истории / Г.В. Гегель. – М.: Эксмо, 2007. – 880 с.
4. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль. – СПб.: Владимир Даль, 2004. – 400 с.
5. Дао Де Цзин. Книга пути и благодати / Перевод Ян Хин Шуна. – М.: Эксмо, 2006. – 400 с.
6. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Эксмо; СПб.: Мидград, 2007. – 1120 с.
7. Путь полноты свойств / Перевод Л.Д. Позднеевой. – М.: Эксмо, 2005. – 432 с.
8. Рикёр П. Человек как предмет философии / П. Рикёр // Вопр. философии. – 1989. – №2. – С. 41–50.
9. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. Человек и мир / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2003. – 512 с.
10. Хайдеггер М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

11. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник / Под ред. А.Л. Доброхотова. – М.: Высш. шк., 1991. – 192 с.